

Зелинская Н.А.

профессор кафедры международного права та международных
отношений Национального университета
«Одесская юридическая академия»,
доктор юридических наук, профессор

Дрёмина-Волок Н.В.

главный научный сотрудник Научно-исследовательского
института Национальной академии прокуратуры Украины,
LL.M, кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕПРЕТАЦИЯ ЗАПРЕТА РЕТРОАКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Европейская конвенция прав человека и основных свобод содержит запрет ретроактивного применения уголовного права (принцип «*ex post facto*»). Сформулированный в пункте 1 статьи 7 Конвенции общий запрет ретроактивного применения уголовного права («никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или бездействия, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутреннему или международному праву не являлось уголовным преступлением») относится к деяниям, которые не являлись преступлением не только по внутреннему, но и по международному праву, а содержащееся в пункте 2 исключение из этого правила (*lex specialis*) относится к деяниям, которые обозначены как «преступления в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными нациями» [1].

Интерпретация запрета ретроактивного применения уголовного права и исключения из него поднимает ряд сложных политико-правовых вопросов и является предметом острых дискуссий [2].

Сегодня можно констатировать, что существуют два вида относительно самостоятельных уголовно-правовых систем: международно-правовая и внутригосударственная. Понятие «преступление» уже не столь безраздельно, как ранее, контролируется государством. Международное преступление – это посяга-

тельство на универсальную этику и общечеловеческие ценности, подлежащее солидарному уголовному преследованию государств либо мировым сообществом в целом.

Государства обязаны иметь такие правовые системы, которые не противоречат международно-правовым требованиям и не ставят находящихся под их юрисдикцией лиц в ситуацию выбора уголовно-правового запрета. Однако история человечества наполнена множеством трагических примеров того, как государства устанавливают «правопорядок», придающий видимость законности грубым и массовым нарушениям прав человека, предписывая совершение тягчайших злодеяний. Развязывая войны и жесточайшие внутренние репрессии, лидеры таких государств совершают широкомасштабные и систематические нарушения прав человека, втягивая в эти злодеяния тысячи вольных и невольных соучастников. Международное право стремится к ограничению такой возможности, объявляя преступными и наказуемыми деяния виновных лиц.

Национальный закон как официально-властное нормативное явление может не соответствовать международно-правовым нормам. Ответственен ли в таких случаях индивид за нарушение норм международного права, если он выполняет предписания права национального? Может ли поведение, не преступающее национальный закон, расцениваться как преступное? Где, в этом случае, грань между правомерным поведением и преступлением, и как следует интерпретировать принцип *«ex post facto»*, если на момент совершения инкриминируемого деяния существовал международно-правовой запрет, но отсутствовал запрет внутригосударственный?

Все эти вопросы неизбежно возникают в том случае, когда индивид привлекается к уголовной ответственности по международному праву, в то время как его поведение не расценивается как преступное с точки зрения национального права. Они неизбежно обращают к событиям более чем шестидесятилетней давности, когда в послевоенном Нюрнберге 1 октября 1946 г. был оглашен приговор, которым впервые в современной истории были осуждены не нарушители, а создатели и исполнители государственных законов, обвинявшиеся в преступлениях против международного права.

Нюрнберг не только инициировал революцию в международном праве, но и затронул многие аспекты права внутригосудар-

ственного [3]. Использование юридической категории «преступление» для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло правосудия. В ходе и под влиянием Нюрнбергского процесса в пределах международного права стала развиваться система норм, имеющая свой механизм криминализации и механизм правосудия, то есть система, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции.

Было признано, что органы международной уголовной юстиции и внутригосударственные суды вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права. Это положение отражено в Уставе Международного военного трибунала в содержащейся в статье 6 (пункт «с»)) формуле относительно подлежащих его юрисдикции преступлений независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Важным итогом учреждения и деятельности Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны явилось создание автономного от национально-правового и приоритетного по отношению к нему международного уголовно-правового запрета. Это событие стало одним из основных этапов формирования нового международного правопорядка, его победой в борьбе с преступным «правопорядком» преступного государства. Таким образом, международное право проявило способность самостоятельно определять сферу уголовной репрессии, что потребовало расширения концептуальных границ уголовно-правового права за пределы сугубо национально-правового подхода.

Более чем через полвека после окончания Нюрнбергского процесса созданная им правовая конструкция была применена к победителям во второй мировой войне и получила оценку Европейского суда по правам человека в контексте оценки соблюдения статьи 7 Европейской конвенции прав человека и основных свобод. Так, в решении по вопросу о приемлемости жалоб, представленных А. Кольком и П. Кислым против Эстонии, Европейский суд по правам человека счел беспочвенными утверждения заявителей о том, что их действия не являлись преступлениями против человечности в момент их совершения, и заявил, что не видит оснований ставить под сомнение «толкование и применение внутреннего законо-

дательства, сделанные в эстонских судах в свете соответствующих норм международного права». В силу этого Суд объявил жалобы неприемлемыми на основании статьи 35 (ч. 3, 4) Конвенции [4].

А. Кольк и П. Кислый были осуждены 10 октября 2003 г. Саареским Уездным судом в преступлениях против человечности за действия, совершенные в 1949 г. на основании уголовного законодательства Эстонии 90-х годов со ссылкой на международно-правовые нормы. Согласно приговору, заявители участвовали в марте 1949 г. в депортации гражданского населения из оккупированной Эстонской Республики в отдаленные районы Советского Союза. А. Кольк служил в указанное время в Государственном Министерстве Безопасности Эстонской ССР. Суд счел доказанным, что он участвовал в подготовке операции по депортации «Прибой» и составил документы для депортации десяти семей; сделал предложение по депортации 27 лиц. После осуществления операции по депортации 25 марта 1949 г., он составил документы, касающиеся депортации. П. Кислый служил в указанное время инспектором в Министерстве внутренних дел Эстонской ССР. 25 марта 1949 г., являясь начальником специального отряда, он участвовал в депортации одной семьи, заполнил анкету, касающуюся этой семьи и организовал депортацию четырех лиц. Защитник заявителей подал апелляцию на приговор Уездного суда Таллиннскому Окружному суду. 27 января 2004 г. Таллиннский Окружной суд оставил решение Уездного суда без изменения. Окружной суд отметил, что преступления против человечества наказуемы независимо от времени совершения преступления, сославшись на Устав Международного Военного трибунала (статья 6 «с») и резолюция ООН № 95 от 11 декабря 1946 г., Окружной Суд пришел к выводу, что заполнение документов о депортации, вывоз людей из своих домов и передача их на корабль, предназначенный для депортации, следует рассматривать в контексте операции по депортации «Прибой» как участие заявителей в масштабном нападении против гражданского населения.

В своих заявлениях в Европейский суд по правам человека А. Кольк и П. Кислый утверждали, что обвинение в совершении преступлений против человечности было основано на ретроспективном применении норм уголовного права. Акты, совершенные ими в 1949 г., не были преступлениями против человечности в соответствии с международным правом того времени. В рассма-

триваемое время на территории Эстонии применялся Уголовный кодекс РСФСР 1946 г., который не предусматривал наказаний за преступления против человечества. Согласно изменениям в Эстонском Уголовном кодексе 1992 г., уголовная ответственность за преступления против человечества была введена только в 1994 г. Действуя на основании правовых предписаний Советского Союза, заявители не имели возможности предвидеть, что 60 лет спустя их действия будут рассматриваться как преступления против человечности. Они ссылались на положения статьи 7 Европейской конвенции прав человека и основных свобод. Констатировав, что действия заявителей в эстонских судах были признаны преступлениями против человечности в соответствии с международным правом во время их совершения, Европейский суд по правам человека постановил, что «не видит оснований прийти к иному выводу». В этой связи Суд обратил внимание на то, что Советский Союз был участником Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г., в соответствии с которым был учрежден Нюрнбергский трибунал, и указал на то, что 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций подтвердила принципы международного права, признанные Уставом этого трибунала. Поскольку Советский Союз был государством-членом Организации Объединенных Наций, эти принципы не могли быть неизвестны советским властям. Суд счел беспочвенными утверждения заявителей о том, что их действия не являлись преступлениями против человечности в момент их совершения и указал в своем решении, что не видит оснований ставить под сомнение толкование и применение внутреннего законодательства эстонскими судами, сделанные в свете соответствующих норм международного права. Таким образом, Суд пришел к выводу, что заявления А. Колька и П. Кислого очевидно бесосновательны на основании Конвенции статьи 35 части 3 и 4 и большинством голосов объявил их неприемлемыми [5].

Правовая аргументация Европейского суда по правам человека вызвала ряд серьезных критических замечаний [6]. Это решение оставляет открытыми многие вопросы. Не подвергая сомнению квалификацию акции по депортации как преступления против человечности, можно усомниться в том, что действия рядового работника МВД, который участвовал в депортации одной семьи и

заполнил анкету, касающуюся этой семьи, в ситуации, когда у него фактически не было возможности выбора варианта своего поведения и осознания контекста своих действий, правильно истолкованы судами Эстонии как преступления против человечности.

Колебания в интерпретации принципа *«ex post facto»* в международном уголовном праве приобрели особую драматичность в связи с решением Европейского суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии». Дело было инициировано жалобой против Латвийской Республики, поданной в Суд гражданином России В. Кононовым 27 августа 2004 г. Заявитель утверждал, в частности, что его осуждение за военные преступления, которые, по мнению обвинения, были совершены в результате его участия в военной экспедиции 27 мая 1944 г., нарушает статью 7 Конвенции.

В. Кононов был осужден по со статьей 68-3 Уголовного Кодекса 1961 г. в соответствии с законодательной новеллой, внесенной Верховным Советом Латвии 6 апреля 1993 г. Суды Латвии сочли доказанным, что 27 мая 1944 г. 20-летний Кононов и его подразделение, вооруженное и переодетое в форму немецкой армии, вошли в деревню Малые Баты и убили девятерых жителей деревни, подвергнув сожжению шестерых из них – в том числе трех женщин, одна из которых была беременна. Кононов оспаривал версию обвинения относительно изложенных фактов, утверждая, что он отказался возглавить операцию и вообще не входил в село. В качестве одного из аргументов своей защиты Кононов выдвинул утверждение о ретроактивном применении уголовного права судами Латвии. 24 июля 2008 г. Европейский суд по правам человека вынес решение, в котором пришел к выводу, что в то время, когда произошли инкриминируемые события, Кононов не мог предусмотреть, что вменяемые ему в вину действия могли быть наказуемы как военные преступления. Четырьмя голосами против трех Суд признал, что статья 7 Конвенции, содержащая запрет ретроактивного применения уголовного права, была нарушена [7].

На решение Палаты Европейского суда была принесена жалоба, и Большая Палата Европейского суда по правам человека не согласилась с выводом о нарушении судами Латвии статьи 7 Конвенции. Большая Палата в своем решении подчеркнула, что в контексте жалобы по статье 7 она не имеет никаких оснований оспаривать фактическое описание событий 27 мая 1944 г., изложенное

в соответствующих внутренних решениях, а именно, в решении Уголовного Отдела от 20 апреля 2004 г., подтвержденном в апелляционном порядке Сенатом Верховного Суда Латвии. Учитывая субсидиарный характер системы Конвенции, в функции суда не входит рассмотрение предполагаемых фактических ошибок, допущенных в национальном суде, за исключением случаев и в той мере, в которой они могут составлять нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией, за исключением случаев, когда выводы национального суда являются очевидно произвольными [8]. Как видим, Большая палата отмежеввалась от исследования фактов и строила свои выводы на основании их оценок национальным судом. Анализируя решения судов Латвии с точки зрения их соответствия пунктом 1 статьи 7, Большая палата пришла к выводу, что осуждение Кононова за военные преступления было основано на международном, а не внутреннем праве и должно рассматриваться, главным образом, с этой точки зрения. Определением военного преступления, преобладающим в 1944 г., было то, что нарушает законы и обычаи войны [9].

Отвечая на вопрос, имела ли достаточно четкая правовая основа, с учетом состояния международного права в 1944 г., для осуждения заявителя, Суд пришел к выводу, что в мае 1944 г. военные преступления были определены как действия, противоречащие законам и обычаям войны, и что международное право определило основные принципы, а также широкий спектр действий, составляющие эти преступления. Большая палата заключила, что Кононов мог предвидеть в 1944 г., что оспариваемые действия могут быть квалифицированы как военные преступления. В этой связи Большая палата указала: «Гарантии, закрепленные в статье 7 – важнейшем элементе верховенства права – занимают видное место в системе защиты Конвенции, что подчеркивается тем фактом, что никаких отступлений от них не допускается в соответствии со статьей 15 во время войны или при иных чрезвычайных ситуаций. Они должны толковаться и применяться, как следует из их предмета и цели, с тем, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного судебного преследования, осуждения и наказания. Таким образом, статья 7 не ограничивается запретом ретроспективного применения уголовного законодательства к невыгоде обвиняемого: она включает в себя также более общий принцип, что только закон может определять преступление и предписывать наказание («нет

преступления, нет наказания без устанавливающего его закона»), а также принцип, что уголовный закон не должен широко толковаться во вред обвиняемым, например, по аналогии» [10].

Суд подчеркнул, что международные законы и обычаи войны в 1944 г. были достаточны, сами по себе, чтобы установить индивидуальную уголовную ответственность, а также отметил, что в это время эти законы представляли собой подробные *lex specialis* нормы, фиксирующие параметры преступного поведения во время войны, адресованные в первую очередь вооруженным силам и, особенно, командирам. Суд считает, что, принимая во внимание грубо противоправный характер жестокого обращения и убийства девяти жителей деревни, установленные обстоятельства операции 27 мая 1944 г. указывают, что оспариваемые действия, по меньшей мере, рисковали оказаться противоречащими законам и обычаям войны как они понимались в то время и, в частности, рисковали составить военные преступления, за которые Кононов, как командир, может быть привлечен к индивидуальной уголовной ответственности [11].

Суд пришел к выводу, что в то время, когда они были совершены, действия заявителя составляли преступление, которое было определено с достаточной доступностью и предсказуемостью законами и обычаями войны, и счел, что осуждение заявителя за военные преступления не является нарушением статьи 7 § 1 Конвенции. На основании изложенного Большая Палата постановила 14 голосами против трех, что не имело место нарушение статьи 7 Конвенции.

Решение Большой Палаты, содержащее ряд важных с точки зрения международного уголовного и гуманитарного права разъяснений, в то же время, оставляет открытыми ряд принципиальных вопросов и не разрешает противоречий, на которые указывается в своем Особом мнении судьи Коста, поддержанном судьями Калайджиевой и Поалелунджь, полагающих, что статья 7 Конвенции была нарушена стороной государства-ответчика в форме преследования заявителя и его осуждения за военные преступления [12]. Обратив внимание на то, что оба пункта 7 статьи не только согласованы, но тесно связаны между собой, авторы «Особого мнения» подчеркнули: «Если мы отклоняем правовую основу для преступления в национальном законодательстве, мы должны ссылаться на нормы международного договорного права или обычного

международного права. И если это не предоставляет достаточного основания, Статья 7 в целом будет нарушена... Вопрос о правовой основе в международном праве представляет значительную сложность. Он поднимает множество спорных проблем: существует ли на самом деле такая правовая основа, были ли, в случае таковой, обвинения в совершении военных преступлений в отношении заявителя за пределами истечения срока давности или не подпадают под срок давности, и, наконец, является ли преследование заявителя (с 1998 г.), и его осуждение (в последнем случае в 2004 г.) предвидимым, и мог ли он предвидеть его. Судьи Коста, Калайджиева и Поалелунджь совершенно справедливо указали на то, что следует проводить различие между нормами международного права, действующими на момент инкриминируемого деяния и теми, которые появились впоследствии и были созданы постепенно, главным образом, со времени Нюрнбергского процесса, который начался в ноябре 1945 г. и имел, и по-прежнему продолжает иметь, жизненно важное значение во многих отношениях. Признавая ценность приведенного в решении Большой палаты тщательного анализа норм международного гуманитарного права, и особенно *jus in bello*, до 1944 г., они высказали сомнение в том, что в 1944 г. существовала «достаточно провозглашенная и признанная правовая основа для военных преступлений, чтобы считать ее точно определенной в то время, и для возможности предвидеть их определения», подчеркнув, что «не все преступления, совершенные во время войны, могут рассматриваться как «военные преступления» [13]. Убедительные доводы в пользу констатации нарушения государством-ответчиком статьи 7 Конвенции содержат следующие аргументы, изложенные в «Особом мнении» и заслуживающие подробного цитирования»:

«Что касается «Нюрнберга» (Устава, судебного разбирательства и принципов), то следует отметить, прежде всего, что весь процесс начался более года спустя после событий данного дела. Лондонское соглашение о создании Международного военного Трибунала датируется 8 августа 1945. Устав Трибунала, прилагаемый к Соглашению, уполномочил его судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, совершили определенные преступления, включая военные преступления. Статья 6 (б) Устава представила первое юридическое определение военных преступлений. Решение Трибунала утверждает, что

классификация таких преступлений не является результатом исключительно Статьи 6 (б) Устава, но также исходит из уже существующих норм международного права (в частности, Гаагской конвенции 1907 г. и Женевской конвенции 1929 г.). Тем не менее, возникает вопрос, должно ли это декларативное предложение, которое явно ретроактивно по сути, рассматриваться как имеющее эффект *erga omnes* в прошлом, или сфера его применения, наоборот, ограничивается общей юрисдикцией Трибунала *ratione personae*, или даже его юрисдикцией только в отношении лиц, судимых им. Этот вопрос имеет решающее значение, так как в то время как заявитель был действительно подвергнут судебному преследованию за действия, которые он якобы совершил или был соучастником, он явно не действовал в интересах «европейских стран оси», поскольку он боролся против них. Исторически, только Нюрнбергский процесс «впервые дал ясно понять всему миру, что тот, кто совершит аналогичные преступления в будущем, будет нести индивидуальную ответственность»... . Таким образом, мы считаем, что только после фактов данного дела международное право закрепило нормы *jus in bello* с достаточной точностью. Тот факт, что Нюрнбергский процесс наказал задним числом лиц, представивших перед трибуналом, не означает, что все преступления, совершенные во время Второй мировой войны, могут охватываться, задним числом, в целях Статьи 7 § 2 Конвенции, определением военных преступлений и предусмотренных для них наказаний. «Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», по нашему мнению, четко изложены в Нюрнберге, и не раньше...» [14].

На основании изложенных в Особом мнении доводов судьи пришли к выводу, что в отношении статьи 7: (а) правовая основа для преследования и осуждения заявителя не существовала с достаточной ясностью в 1944 году; (b) она не была достаточно предсказуемой в то время, в частности, для самого заявителя; (с) преследование преступлений, кроме того, было за пределами истечения срока давности в 1954 году в соответствии с применимым национальным законодательством; (d) и, как следствие, вывод, что на действия заявителя не распространяются сроки давности, что привело к его осуждению, составляет ретроспективное применение уголовного закона к его ущербу. Таким, образом, имело место нарушение статьи 7 [15].

Поддерживая позицию, сформулированную и обоснованную в «Особом мнении» судей Косты, Калайдзевой и Поалелунджь, хотим еще раз подчеркнуть, что она ни в коей мере не оправдывает злодеяния, совершаемые по время войны, какая бы сторона конфликта не стала победителем. Вместе с тем, следует, на наш взгляд, признать, что историческое значение Нюрнбергского процесса в том и состоит, что он положил начало международно-правовой криминализации преступлений, вызывающих озабоченность всего мирового сообщества. Впервые именно Нюрнбергским приговором 1946 г. международное право реализовало свою собственную концепцию международного преступления. В пределах международного права стала развиваться система норм, преодолевающая ограниченность национального права, имеющая свой механизм криминализации и механизм правосудия, то есть система, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. В тот период, когда, как было признано национальными судами Эстонии, были совершены инкриминируемые Кононову деяния, международно-правовая криминализация, имеющая всеобщий характер и не связанная непосредственно с юрисдикцией Нюрнбергского трибунала, не была завершена.

Временная юрисдикция Нюрнбергского трибунала *ad hoc*, распространяемая на деяния, совершенные в прошлом, нарушала принцип «*ex post facto*», но нюрбергский прецедент ни в коей мере не отменял действия этого принципа по отношению к иным ситуациям.

Как известно, 8 августа 1945 г. между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики в Лондоне было подписано Соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», к которому был приложен Устав Международного Военного Трибунала [16]. Согласно статье 6 (1) Устава, персональная юрисдикция Международного военного трибунала ограничивалась «главными военными преступниками европейских стран оси», которые действовали «в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации». Юрисдикция трибунала не распространялась на представителей государств-победителей или лиц, действовавших в их интересах. Основным

критерием для отнесения индивидов к категории «главных военных преступников» являлись характер и масштабы инкриминируемых им преступлений [17].

Формирование понятия международного преступления как преступления по общему международному праву, подпадающему под международную юрисдикцию, было сопряжено с конкретными историческими событиями; такое преступление отождествлялось со злодеяниями агрессоров второй мировой войны. Уголовное преследование нацистов имело историко-воспитательный и идеологический подтекст и было призвано служить возмездием преступникам – представителям побежденной стороны. В судебных процессах по этим делам добро и зло были четко идентифицированы и очерчены [18].

До Нюрнбергского прецедента не было международно-правовой нормы, устанавливающей, что определенная категория преступлений подпадает под международную юрисдикцию, как не существовало органа, обладающего такой юрисдикцией. Более того, история свидетельствует о том, что попытка учреждения международного уголовного суда после первой мировой войны была отвергнута именно потому, что противоречила сложившейся международной практике: лица, виновные в инициировании и ведении агрессивной войны, никогда не подвергались уголовным санкциям. Преступления, вменявшиеся в вину подсудимым, были реализацией агрессивной государственной политики и нацистской идеологии. Агрессивная война и человеконенавистническая идеология стали главными обвиняемыми процесса.

Учреждение Нюрнбергского трибунала было, без сомнения, революционным событием в международном праве. «До второй мировой войны традиционный здравый смысл предлагал считать, что границы юрисдикции обычно обозначены национальными границами независимого государства; другими словами, это полномочие государства рассматривалось как исключительное и абсолютное в пределах его собственной территории, и было признано, что никакое государство не может по праву осуществлять юрисдикцию в пределах территории другого государства, – пишет в этой связи В.-Б. Саймонс. – Однако, подписывая различные международные документы об учреждении Международного военного трибунала, четыре державы пытались установить и принять на себя юрисдикцию в территориальных пределах другого государства в

отношении индивидов, которые не были гражданами или подданными ни одного из государств, входивших в союз четырех держав, ни даже — в некоторых случаях — служащими вооруженных сил воюющих сторон, в связи с деяниями, вменявшимися в качестве преступлений (не только против граждан или подданных четырех держав, но также и против тех, кто таковыми не являлся), совершенных на земле одной или более стран, над которыми в то время, о котором идет речь, четыре державы не осуществляли контроль или которые они в это время не оккупировали. Как таковая юрисдикция, которую четыре державы пытались осуществить в Нюрнберге, противоречила существовавшим традиционным понятиям основанных на концепции территории исключительной суверенной власти и юрисдикции» [19].

Следует заметить, что выражение «преступники войны» (*«war criminals»*) вошло в обиход после первой мировой войны. «В более широком смысле оно употребляется для обозначения как виновников военной агрессии, так и лиц, ответственных за нарушения законов и обычаев войны; в более узком смысле под преступниками войны понимаются только нарушители законов и обычаев войны» [20]. Правосудие в отношении лиц, обвиняемых в таких преступлениях, осуществлялось в пределах национальных юрисдикций задолго до Нюрнбергского процесса. Многие специалисты высказывали мнение, что такие действия, как грабеж, поджог, убийство, жестокое обращение с военнопленными, изнасилование и иные акты насилия должны караться на основании общих уголовных законов, поскольку то обстоятельство, что подобные действия противоречат, помимо национальных уголовных законов, нормам международного права, не изменяет их природы. Значение норм права войны заключается в том, что из них вытекают условия, при которых насильственные действия перестают быть преступными; при отсутствии же таких условий убийство остается убийством, похищение — похищением, и для их виновников никоим образом не может служить защитой их военная форма [21]. Это позволяло рассматривать насильственные действия, совершенные военными вопреки законам и обычаям войны, в качестве национальных общеуголовных преступлений. Никаких исключений из принципа *«ex post facto»* и правила о сроках давности привлечения к уголовной ответственности на момент совершения Кононовым инкриминируемых деяний не существовало.

Преступления, вменявшиеся в вину подсудимым в Нюрнберге, имели четко выраженное контекстуальное основание: они совершались в контексте агрессии фашистской Германии и ее сателлитов. Перед судьями в Нюрнберге стояла сложнейшая правовая и политическая задача: вместить в строгие правовые рамки феномен абсолютного зла невиданных ранее масштабов и цинизма. Насаждая «новый порядок», немецкие власти безжалостно уничтожали миллионы людей, превращая жизнь на земле в ад концентрационных лагерей, гетто и тюрем, тени разрушенных городов и сгоревших сел. Фашизм стал символом и воплощением преступной политики и международного преступления. Кровавый террор нацистов осуществлялся в соответствии с законодательством, «узаконивающим» совершение массовых преступлений. Фашисты насаждали «новый порядок». Совершение преступлений предписывалось и организовывалось руководителями III рейха. Они осуществлялись в огромных масштабах и различными способами, одним из которых стал закон. В речи в рейхстаге 13 июля 1934 г. Гитлер объявил себя «высшим законодателем немецкого народа» [22].

Нюрнбергский процесс имел своей основной целью наказание лиц, виновных в развязывании войны и связанных с ней преступлениях. Это был суд над виновниками войны, что нашло отражение уже в самом названии Трибунала. Как известно, защитники обвиняемых в ходе Нюрнбергского процесса выдвигали различные аргументы, в частности, ссылались на то, что применением к ранее совершенным преступлениям установленных позднее юридической квалификации и уголовно-правовых санкций нарушается принцип «*ex post facto*».

Для опровержения аргументов защиты в своем приговоре Трибунал опирался на теорию, согласно которой преступления, отнесенные к его юрисдикции, рассматривались как преступления по общему международному праву, существовавшие задолго до принятия Устава и начала Нюрнбергского процесса. Считая, что всеобщность и сила принципов международного права присущи самой его природе, Трибунал утверждал, что с точки зрения основной идеи общего международного права заведомо преступными являются действия, которые нарушают интересы, защищаемые международным правом [23]. Тезис, согласно которому все преступления, инкриминировавшиеся обвиняемым, являлись преступле-

ниями по общему международному праву, стал основным постулатом нюрнбергской концепции международного преступления.

Позиция Нюрнбергского трибунала нашла поддержку у многих ученых, которые отрицали какое бы то ни было нарушение им принципов «*ex post facto*». Так, К. Райт, категорически заявлял, что «международное право содержало запрет на действия, перечисленные в Уставе, задолго до того, как инкриминируемые преступления были совершены подсудимыми» [24]. Связывая содержание принципа «*nullum crimen sine lege*» особенностями международного права, известный бельгийский ученый С. Глазер писал, что международное уголовное право берет свое начало из международного правосознания и защищает важные интересы, общие для многих государств, в связи с чем основной заповедью законности в сфере международного уголовного права является более широкий, в естественно-правовом смысле сформулированный принцип: «нет преступления без указания на то в праве (*nullum crimen sine iura*)» [25]. По мнению Э. Цоллер, «стороны в Лондонском соглашении не приняли новых правовых норм – по крайней мере, норм материального права – в отличие от норм процесса и юрисдикции, ибо имела место общая договоренность, что норма об ответственности к этому моменту уже составляла часть международного обычного права» [26].

Соглашаясь с тем, что Лондонское соглашение предусмотрело наказание отдельных лиц за деяния, которые в момент их совершения не были наказуемы по международному праву, Г. Кельзен писал, что «принцип игнорирования» допускал любое нарушение принципа *ex post facto*, какое только могло иметь место: «Правосудие требовало наказания этих людей как подсудимых на Нюрнбергском процессе... В случае, если два постулата правосудия конфликтуют друг с другом, преимущественное значение имеет высший из них; и наказание тех, кто нес моральную ответственность за международное преступление, каким была вторая мировая война, может наверняка рассматриваться как более важное дело, чем соблюдение весьма относительного правила о запрете применения закона *ex post facto*, из которого бывает так много исключений» [27].

Советская доктрина международного права, как правило, категорически отвергала упреки в нарушении принципа «*nullum crimen sine lege*» и ретроактивном применении Трибуналом уголов-

ного права либо отрицала абсолютную ценность этого принципа. «Положение, что уголовный закон не может иметь обратной силы, вовсе не имеет абсолютного значения. Оно перестает действовать, когда законодатель находит нужным по тем или иным соображениям отменить его. В области международных отношений, где закон уступает место договору, это может сделать договор», – подчеркивал Н.Н. Полянский [28].

Отмечая, что «международное право и правосознание народов в существенной мере были подготовлены предыдущим развитием к привлечению к ответственности нацистских преступников», В.В. Пустогаров писал: «В свете этих фактов наивно представлять подсудимых на Нюрнбергском Трибунале как лиц, которые не ведали, что агрессия является международным преступлением. И позволительно спросить: какое уголовное законодательство, международное или национальное, могло заранее предусмотреть Освенцим или Треблинку, т. е. невиданные до тех пор преступления гитлеровцев? И разве планомерное уничтожение 6-ти млн евреев, планомерное уничтожение военнопленных – это не международное уголовное преступление?» [29].

В то же время у многих юристов концепция «преступлений против общего права» применительно к преступлениям против мира вызвала серьезные возражения [30]. Ссылки на ретроактивное применение уголовного права стали одной из причин доктринального отрицания Нюрнбергского прецедента. Вопрос о том, являлось ли принятие Лондонского соглашения и Устава Международного военного трибунала актом правотворчества, то есть содержали ли они новые правовые нормы, которые были применены к событиям, имевшим место до их принятия, до сих пор не нашел однозначного решения. И. И. Лукашук полагал, что следует признать нарушение принципов «*nillum crimen sine lege*» и «*ex post facto*», особенно в том, что касалось обвинений в преступлении агрессии: «по крайней мере, в отношении ответственности отдельных лиц за преступления против мира, державы, подписавшие Лондонское соглашение, скорее создали новые, а не применили существовавшие нормы права» [31].

Распространено мнение, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы служат образцами «правосудия победителя». Победившие союзные державы преследовали своих немецких и японских противников без рассмотрения возможности применения тех же норм

к их собственному поведению во время войны. «Критики считают, что такие суды не могут быть беспристрастными и справедливыми, поскольку ими не рассматриваются совершенные во время войны преступления победителей. К тому же судьи ориентированы на правоту победителей, – утверждает А. Наейр. – Просто отмахнуться от этих доводов нельзя. Союзники самым вопиющим образом нарушили общие принципы, лежащие в основе права вооруженных конфликтов. В феврале 1945 г., когда исход войны был уже предрешен, английская авиация подвергла Дрезден бомбардировкам, и возникшие в городе сильнейшие пожары испепелили десятки тысяч мирных жителей. В марте 1945 г. американские самолеты засыпали Токио зажигательными бомбами, уничтожив от 80 тысяч до 100 тысяч человек. И, разумеется, нельзя забыть про брошенные на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы» [32].

В обществе, где отсутствует правовая система, обеспечивающая привлечение к ответственности лиц, совершивших тягчайшие злодеяния, господствуют месть и самосуд. Альтернативной Нюрнбергскому трибуналу была не безнаказанность нацистов, а внесудебная расправа. Многие юристы и политики утверждали, что не существовало юридического основания для суда над немецкими военными преступниками.

Так, лорд Ф. Моэм выступил в октябре 1942 г. с защитой идеи территориальной юрисдикции, в соответствии с которой граждан стран оси могут судить лишь их собственные суды [33]. Немало сторонников имела идея «политического» или «административного» решения вопроса совместного наказания главных военных преступников. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, и лорд-канцлер Д. Саймон, государственный секретарь США К.-Хэлл, министр финансов США Г. Morgентау полагали, что руководители союзных держав должны составить список из пятидесяти – ста или более лиц, которых в случае захвата в плен следует подвергнуть смертной казни без суда и следствия. В феврале 1944 г. В. Малкин, сотрудник британского министерства иностранных дел, написал министру иностранных дел Великобритании А. Идену записку, озаглавленную «Против учреждения международного суда». Утверждая, что проведение международного судебного процесса затянется, его законность будет оспариваться, что даст нацистским главарям благоприятную возможность заниматься пропагандой, представители Великобритании предлагали

решить их судьбу политическими средствами (то есть внесудебной казнью), а не путем судебного разбирательства. У. Черчилль, выступая в палате общин 4 октября 1944 г., заявил: «Нет уверенности, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг, Геббельс и Гиммлер, следует принять процедуру суда» [34].

Использование юридической категории «преступление» для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло правосудия, и в этом смысле констатация уголовного характера совершенных деяний не явилось отягчением положения обвиняемых лиц. Видимо, следует признать, что это был случай ретроактивного применения права, но право всегда лучше бесправия, а правосудие, даже «правосудие победителей» – предпочтительней расправы.

Правосудие заменило собой внесудебный произвол, следовательно, правовые положения, регламентировавшие уголовную ответственность индивидов и устанавливавшие международную уголовную юрисдикцию, не ухудшали, а улучшали положение подозреваемых лиц и, вполне резонно, могли иметь обратную силу. Формулировка оснований международной уголовной ответственности, содержащаяся в Уставе Трибунала, позволила обвиняемым активно осуществлять свою защиту в рамках уголовного процесса и способствовала достижению целей неотвратимости наказания при условии соблюдения фундаментальных прав обвиняемых. В данном случае ретроактивное применение закона не нуждается в опровержении, поскольку улучшает положение обвиняемых и является оправданным.

«С позиций международного права того времени уставы трибуналов не были безупречными, – признает И.И. Лукашук. – В общем, это были суды победителей над побежденными. Но если вернуться в то время и вспомнить британское предложение учинить внесудебную расправу над руководителями побежденных государств, то учреждение трибуналов представится весьма гуманным и отвечающим духу международного права актом» [35].

В постнюрнбергский период концепция «преступлений по общему международному праву» широко применялась национальными судами при рассмотрении ими дел по обвинению нацистских преступников. В значительной степени, она была востребована именно с целью согласования с принципом «*ex post facto*». Для обоснования распространения своей юрисдикции на деяния, не

признававшиеся преступными в момент их совершения по уголовному внутригосударственному праву, национальные суды делали ссылки на авторитет международного права. Так, Американский военный трибунал в приговоре по делу о карательных отрядах (процесс № 2), отверг тезис защиты о противоправности закона № 10 Союзного Контрольного Совета, который она определяла как *ex post facto law*, и заявил, что этот закон, так же, как и Устав Международного Военного Трибунала, представляет выражение уже действовавшего к этому времени международного права [36].

Таким образом, можно констатировать, что в отношении нацистских преступников ретроактивное применение уголовного права международно-правовой конструкции преступления не явилось ухудшением их положения, в силу чего может быть признано вполне правомерным. Для предстителей победившей стороны угрозы внесудебной расправы не существовало, вследствие чего нарушение принципа «*ex post facto*» не может быть оправдано.

Международно-правовое преступление в его «нюрнбергской» модификации — это преступление, которое возникает только в том случае, если «поражение и преступность совпадают». Обвинение государства в совершении агрессии является международно-правовой основой ограничения суверенитета. Не просто военные преступления, а преступления агрессора были предметом рассмотрения Нюрнбергского трибунала. Понятие «международное преступление» несло на себе значительную историко-политическую и идеологическую нагрузку.

Интенсивное формирование концепции международного преступления применительно к иным контекстуальным обстоятельствам, вне этой ситуации, началось под влиянием Нюрнбергского прецедента после второй мировой войны. В рамках ООН велась работа по кодификации преступлений против мира и безопасности человечества. Генеральная Ассамблея ООН на первой же своей сессии приняла резолюцию 95 (I) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала», которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала. В 1950 г. Комиссия международного права приняла и представила Генеральной Ассамблее ООН «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении

этого трибунала». Исходя из того, что «всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию» (принцип I), провозглашалось, что то обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву» (принцип II).

Рассматриваемая концепция получила подтверждение в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., которая выделяет геноцид в самостоятельное международное преступление. Привлечение к уголовной ответственности и наказание лиц, виновных в совершении актов геноцида, представляет собой требование общего международного права, обязательного для всех государств, вне зависимости от их участия в Конвенции. Такой вывод, в частности, следует из консультативного заключения Международного суда «Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», согласно которому государства должны наказывать лиц, виновных в актах геноцида, независимо от того, являются ли соответствующие государства участниками данной Конвенции. Международный суд высказал следующие соображения: «Причины разработки Конвенции отражают намерение Организации Объединенных Наций осудить и покарать геноцид как «преступление по международному праву», подразумевающее отказ в признании права на существование целых человеческих групп, отказ, который оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества и противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций (резолюция 96 (I) Генеральной Ассамблеи. 11 декабря 1946 г.). Эта концепция приводит к первому следствию: принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для государств даже вне всякой конвенционной связи» [37]. Со ссылкой на общее международное право Международный суд ООН признал, что запрет геноцида является универсальной нормой международного права (*universal rule of international law*) [38].

Привлечение к уголовной ответственности и наказание лиц, виновных в совершении актов геноцида, представляет собой тре-

бование общего международного права, обязательного для всех государств, вне зависимости от их участия в Конвенции. Такой вывод, в частности, следует из консультативного заключения Международного суда «Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», согласно которому государства должны наказывать лиц, виновных в актах геноцида, независимо от того, являются ли соответствующие государства участниками данной Конвенции. Международный суд высказал следующие соображения: «Причины разработки Конвенции отражают намерение Организации Объединенных Наций осудить и покарать геноцид как «преступление по международному праву», подразумевающее отказ в признании права на существование целых человеческих групп, отказ, который оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества и противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций (резолюция 96 (I) Генеральной Ассамблеи. 11 декабря 1946 г.). Эта концепция приводит к первому следствию: принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для государств даже вне всякой конвенционной связи» [39]. В постнюрнбергский период самостоятельное развитие получила концепция военных преступлений. Первоначально это развитие происходило в рамках Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., согласно уоторым государства-участники конвенций приняли на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения гуманитарного права [40].

С учетом резолюций 1074 D (XXXIX) от 28 июля 1965 г. и 1158 (XLI) от 5 августа 1966 г. Экономического и Социального Совета ООН о наказании военных преступлений и лиц, совершивших преступления против человечества, 26 ноября 1968 г. резолюцией 2391 (XXIII) Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [41]. Несмотря на то, что термин «международное преступление» в Конвенции не применяется, фактически статьей I к этой категории были отнесены: «а) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются ре-

золюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, серьезные нарушения, перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.; б) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г., изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены».

Как видим, только к 60-м годам прошлого века сложилось и получило конвенционное закрепление правило неприменения срока давности по отношению к военным преступлениям, юридическая характеристика которым было дана после 1944 года. Признавая, что в Нюрнберге судьи применили обратную силу уголовного права (что, тем не менее, не ухудшило, а улучшило положение обвиняемых), нельзя согласиться с тем, что такой же подход может быть применен к событиям, имевшим место в 1944 г. в отношении представителей победившей стороны по обвинению в преступлениях, не связанных контекстуальными обстоятельствами с нападением фашистской Германии.

Время показало, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы стали не только новым, но и уникальным явлением в истории. Несмотря на то, что происходившие в мире массовые нарушения права человека вполне оправдывали привлечение средств международной уголовной юстиции, Нюрнбергский и Токийский прецеденты до 1993 года не получили повторения. Конструкция международного преступления не вызывала особых сомнений применительно к действиям нацистских преступников, но не проявляла способности функционировать по отношению к иным событиям и лицам. В период «холодной войны» эта концепция оказывалась востребованной в тех случаях, когда политические обвинения выдвигались против идеологических противников, и отвергалась, если предполагаемые преступники были идеологическими союзниками. Труд-

но оспаривать то обстоятельство, что в Нюрнберге государства-победители вершили суд над лидерами побежденного государства. Однако эта реальность не ослабляет юридическую и моральную обоснованность решений Трибунала.

По многим причинам Нюрнбергский трибунал нельзя рассматривать как эталон органа международной уголовной юстиции. Безусловно, судебное разбирательство выполняло политическую и идеологическую функции. И.И. Лукашук справедливо замечал: «Одно дело – судить побежденного противника в особых условиях, сложившихся после мировой войны, и другое – создать даже весьма маловероятную возможность самим оказаться на скамье подсудимых. Политика часто препятствует реализации уголовной ответственности за международные преступления. Чем выше политическое значение дела, тем существеннее роль политики в его решении» [42].

При всей сложности и деликатности политико-правовых аспектов дела «Кононов против Латвии», в котором за личностью заявителя и вменяемыми ему в вину преступлениями очевидно просматривается исторический подтекст, связанный с величайшей трагедией XX века, позволим себе высказать сомнения относительно обоснованности применения «нюрнбергской модификации» международного преступления в этом деле. Если признать доказанным факт совершения преступлений, вменяемых в вину Кононову, то, при их глубочайшем моральном осуждении, следует на наш взгляд, согласиться с доводами, изложенными в Особом мнении судей Косты, Калайдиевой и Поалелунджи, и заключить, что преследование этих преступлений было за пределами истечения срока давности в 1954 г., и со стороны государства-ответчика имело место нарушение статьи 7 Европейской конвенции прав человека и основных свобод.

Прошедшие с момента оглашения приговора Нюрнбергского трибунала десятилетия трансформировали структуру и содержание понятия «международное преступление». Международная уголовная юстиция становится важным звеном в международно-правовом механизме защиты прав человека. Нельзя не признать, что селективное применение международного уголовного права до сих пор является серьезным недостатком международной правовой системы. В вопросах предания суду лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений, правосудие и политика на-

ходятся в постоянном противоборстве. Избежать этого положения можно с помощью эффективно и неизбирательно действующего международного уголовного суда. В основе идеи международной уголовной юрисдикции лежит извечное стремление человека и человечества к миру и справедливости. Путь к миру через торжество справедливости и путь к справедливости посредством установления мира предопределяют ее непрерывное развитие. Однако ни один человек, ни одна судьба не должны приноситься в жертву ради торжества даже самой благородной идеи.

Источники

1. The European Court of Human Rights. Case of Kononov v. Latvia (Application no. 36376/04) Judgment Strasbourg, 17 May 2010. Dissenting opinion of judge Costa joined by judges Kalaydjieva and Poalelungi .
2. См. подробнее: Зелинская Н.А., Дремина-Волок Н.В. Принципы «*nulum crimen sine lege*» и «*ex post facto*» в международном уголовном праве// Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Коллект. монография. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 121 – 139.
3. See: Ehrenfreund N. The Nuremberg legacy: how the Nazi war crimes trials changed the course of history. – Palgrave Macmillan, 2007.
4. European Court of Human Rights. Decision on the case Kolk and Kislyiy v. Estonia: Non-Applicability of Statutory Limitations to Crimes against Humanity.
5. The European Court of Human Rights (Fourth Section), Decision as to the Admissibility of Application No. 23052/04 by A.t Kolk, Application No. 24018/04 by P. Kislyiy v. Estonia, 17 January 2006.
6. Cassese A. Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of Criminal Law.The Kolk and Kislyiy v. Estonia Case before the ECHR //Journal of International Criminal Justice. – №. 4. – 2006. – P. 410–418.
7. European Court of Human Rights. Case of Kononov v. Latvia. Judgment (Merits and Just Satisfaction): Violation of Art. 7.
8. The European Court of Human Rights. Case of Kononov v. Latvia (Application no. 36376/04) Judgment Strasbourg, 17 May 2010, para. 189, 190
9. Ibid., para. 196.
10. Ibid., para. 185
11. Ibid., paras. 237 – 239.
12. The European Court of Human Rights. Case of Kononov v. Latvia (Application no. 36376/04) Judgment Strasbourg, 17 May 2010. Dissenting opinion of judge Costa joined by judges Kalaydjieva and Poalelungi . – para.1.
13. Ibid., paras. II. 7-10.
14. Ibid., paras. 13, 14.

15. Ibid., para. Мнение 23.
16. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. – М.: Госюриздат, 1957. – Т. 1. – С. 63 – 65.
17. См.: Кудрявцев В. Н. Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В.В. Пустогаров. – М., 1986. – С. 3 – 11.
18. Simpson G.J. War Crimes: A Critical Introduction //The Law of the War Crimes / Ed. by T.L.H. McCormack and G.J.Simpson. – London, Boston, 1997. – P. 24.
19. Саймонс В.-Б. Основания юрисдикции Международного Военного Трибунала // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледаях, И.И. Лукашук. – М., 1995. – С. 58 – 59.
20. Полянский Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. – М.:Наука, 1945. – С. 33.
21. См.: Гарнер Р. Международное право и мировая война: Пер. с англ. – М., 1963. – С. 472 – 473.
22. См.: Алексеев. Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В.В. Пустогаров. – М., 1986. – С. 29.
23. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах – Т. 7. – М., 1961.– С. 363.
24. Цит. по: Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледаях, И.И. Лукашук. – М., 1995. – С. 52 – 53.
25. Цит. по: Ледаях И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. – М., 1973. – С.13.
26. Доллер Э. Основания ответственности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледаях, И.И. Лукашук. – М., 1995. – С. 100.
27. Kelsen H. Will the Judgment in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? //The International Law Quarterly. – № 2. – 1947. – P. 153, 161, 165.
28. Полянский Н.Н. Международный военный трибунал. – М.:Наука, 1946. – С. 12.
29. Пустогаров В.В. Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В.В. Пустогаров. – М., 1986. – С. 121.
30. См.: Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледаях, И.И. Лукашук. – М., 1995. – С. 33.
31. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледаях, И.И. Лукашук. – М., 1995. – С. 117, 258 –259.
32. Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. – М., 2000. – С. 51.
33. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. – С. 49.

34. Цит. по: Лебедева Н. С. Указ. раб. – С. 59.
35. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. – М., 1997. – С. 247–248.
36. Ледях И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. – М., 1973. – С.31.
37. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. – С. 172 – 173.
38. Barcelona Traction, ICJ Reports (1970); Case concerning application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)), Preliminary Objections, ICJ Reports (1996).
39. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. – С. 172–173.
40. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XVI. – М., 1957. – С.71 – 97.
41. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества// Ведомости Верховного Совета СССР. – 1971. – № 2 (1556). – Ст. 18.
42. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. – С. 254.

Анотація

Зелінська Н.А., Дрьоміна-Волок Н.В. Міжнародно-правова криміналізація та інтерпретація заборони ретроактивного застосування кримінального права в практиці Європейського суду з прав людини. – Стаття.

У статті розглянуто дискусійні питання застосування Європейським судом з прав людини статті 7 Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод. Автори виходять з того, що Нюрнберзький трибунал допустив ретроактивне застосування кримінального права до нацистських злочинців, тим не менш, це не означає, що такий підхід може бути застосований по відношенню до всіх злочинів, які були вчинені під час Другої світової війни. Проаналізувавши справу «*Kononov v. Latvia*», автори роблять висновок, що міжнародно-правова основа для кримінального переслідування В. Кононова не була очевидною у 1944 р.; крім того, переслідування інкримінованих Кононову злочинів було за межами закінчення терміну давності в 1954 році у відповідності з національним кримінальним правом.

Ключові слова: Європейський суд з прав людини, міжнародно-правова криміналізація, міжнародний злочин, ретроактивного застосування кримінального права.

Аннотация

Зелинская Н.А., Дрёмина-Волок Н.В. Международно-правовая криминализация и интерпретация запрета ретроактивного применения уголовного права в практике Европейского суда по правам человека. – Статья.

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы применения Европейским судом по правам человека статьи 7 Конвенции прав человека и основных свобод. Авторы исходят из того, что Нюрнбергский трибунал допустил ретроактивное применение уголовного права к нацистским преступникам, тем не менее, это не означает, что такой подход может быть использован по отношению ко всем преступлениям, совершенным во время Второй мировой войны. Проанализировав дело «Kononov v. Latvia», авторы приходят к выводу, что международно-правовая основа для уголовного преследования В. Кононова не была очевидной в 1944 г.; кроме того, преследование инкриминируемых Кононову преступлений было за пределами истечения срока давности в 1954 году в соответствии с национальным уголовным правом.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, международно-правовая криминализация, международное преступление, ретроактивного применения уголовного права.

Summary

Zelinska N.A., Dromina-Voloc N.V. International legal criminalization and interpretation of prohibition of the retroactive criminal law application in practice of the European Court of Human Rights. – Article.

Controversial issues of application of Article 7 of the Convention of Human Rights and Fundamental Freedoms by the European Court of Human Rights are considered in the article. The authors proceed from the fact that the Nuremberg Tribunal allowed for the retroactive application of criminal law to the Nazi criminals. However, this does not mean that such an approach can be applied to all crimes committed during the World War Two. Having analyzed the case “Kononov v. Latvia”, the authors concluded that the international legal framework for criminal prosecution of V. Kononov was not obvious in 1944, moreover, the prosecution of crimes alleged to Kononov was beyond the statute of limitations in 1954, according to the national criminal law.

Keywords: European Court of Human Rights, international legal criminalization, international crime, retroactive application of criminal law.